

*Эта книга — художественное произведение.
Все имена, герои, места и события,
описанные в этой книге, вымышлены.
Любые совпадения с реально существующими
людьми и произошедшими событиями случайны*

Глава 1

В тот декабрьский день, сидя среди зрителей в студии ток-шоу, шедшего в прямом эфире, Джереми Марш чувствовал, что как никогда выделяется в общей массе: подавляющее большинство аудитории составляли женщины — мужчин на зрительских трибунах было меньше десятка. Одетый, как всегда, во все черное, с темными вьющимися волосами, голубыми глазами и трехдневной щетиной по моде, Джереми выглядел стопроцентным ньюйоркцем, каковым и был на самом деле. Внимательно следя за вещавшим со сцены гостем программы, он успевал поглядывать на привлекательную блондинку, сидевшую тремя рядами выше. Его профессия требовала особой наблюдательности — умения все вокруг видеть и подмечать. Джереми был журналистом, проводившим собственные расследования, а блондинка — одной из зрительниц, и, как настоящий профессионал, он, конечно же, не мог не заметить, насколько эффектно она выглядела в открывающем плечи топе и джинсах.

Кинув еще несколько взглядов на блондинку, Джереми решил сосредоточить внимание на госте программы — медиуме Тимоти Клоузене. Спектакль, который тот разыгрывал на сцене, должен был, по мнению Джереми, вызвать смех у любого здравомыслящего человека. Клоузен замер в торжественном ожидании, делая вид, будто прислушивается к голосам из загробного мира, и на его сосредоточенном лице, освещенном яркими лампами студии, застыло напряжение. Он вел себя так, будто все зрители уже стали его лучшими друзьями

и между ним и каждым из них установились теплые, доверительные отношения. Подавляющее большинство зрителей — в том числе и привлекательная блондинка, и женщина, для которой в данный момент Клоузен проводил сеанс спиритизма, — смотрели на него с благоговением, как на посланца небес.

«Да, именно небес», — подумал Джереми. Ведь все люди уверены, что души их умерших близких находятся на небесах. Души, вызываемые медиумом на спиритических сеансах, всегда являются ему в ярком ангельском сиянии и излучают покой и умиротворение. Никогда еще Джереми не доводилось слышать, чтобы медиум вызывал души из другого, более жаркого места. Как ни цинично об этом думать, но на его памяти еще ни одна душа, «вызванная» с того света, не рассказала, как ее поджаривают на вертеле или варят в кипящем масле. Впрочем, нельзя было не признать, что шоу Тимоти Клоузена выгодно отличалось от других подобных спектаклей. Клоузен был неплохим артистом, чего никак не скажешь о большинстве шарлатанов, о которых часто приходилось писать Джереми.

— Я знаю, вам сейчас будет нелегко, соберитесь с духом, — проникновенно сказал в микрофон Клоузен. — Фрэнк передает вам, что наступил час вашего последнего прощания.

Женщина, к которой он обратился, казалось, была на грани обморока. Дама лет пятидесяти в экстравагантной блузке в зеленую полоску и с беспорядочно торчавшими во все стороны рыжими кудрями прижимала сцепленные в замок руки к груди, стискивая их с такой силой, что побелели пальцы.

Клоузен выдержал паузу, а затем торжественно положил руку себе на лоб, «входя в контакт с потусторонним миром», как он это называл. В студии воцарилась тишина, и все зрители в напряженном ожидании подались

вперед. Эта женщина была уже третьей зрительницей, которую Клоузен выбрал для демонстрации общения с душами умерших, и все присутствующие знали, что вот-вот произойдет. Тимоти Клоузен был единственным гостем этого популярного ток-шоу, и все внимание публики сосредоточилось только на нем.

— Вы помните письмо, которое вам написал Фрэнк? — спросил Клоузен. — Незадолго до смерти.

Женщина широко раскрыла глаза, потрясенная. Ассистент, державший перед ней микрофон, придвинул его еще ближе к ее губам, чтобы ни одно ее слово не ускользнуло от телезрителей.

— Д-да. Но как вы узнали, что?.. — заикаясь, произнесла женщина.

— А вы помните, что было написано в том письме? — спросил Клоузен, не дав ей договорить.

— Конечно, — с трудом выдавила она.

Медиум удовлетворенно кивнул, всем своим видом показывая, что и ему самому было прекрасно известно содержание письма.

— В нем шла речь о прощении, не так ли? — уточнил он.

Ведущая сидела в это время на диванчике, переводя изумленный взгляд с Клоузена на женщину и обратно. Было заметно, что она потрясена и в то же время чрезвычайно довольна происходящим: успешное выступление медиума должно было, несомненно, способствовать повышению рейтинга передачи.

Женщина молча кивнула, и Джереми увидел, как по ее щекам потекли ручейки слез, окрашенные черной тушью. Камера показала ее лицо крупным планом. Вот он, очередной душещипательный момент телевизионного ток-шоу в прямом эфире!

— Но как вам удалось?.. — снова начала женщина.

— Он говорил не только о себе... но и о вашей семье, — проигнорировав вопрос, тихо сказал Клоузен.

Собеседница смотрела на медиума как замороженная.
— О вашей сестре Эллин, — пояснил он.

После этих слов женщина была уже не в силах сдерживать рыдания, и слезы градом покатались из ее глаз. Клоузен — в строгом черном костюме, безупречно причесанный — опять удовлетворенно закивал, как игрушечная собачка, которую многие водители ставят у лобового стекла в автомобиле. Все смотрели на женщину, храня гробовое молчание.

— Фрэнк оставил вам на память еще кое-что. Нечто из вашего далекого прошлого.

Несмотря на то что от ярко горевших ламп в студии было очень жарко, лицо женщины сделалось мертвенно-бледным. Сидевший в стороне, вне поля зрения телекамер, администратор ток-шоу покрутил поднятым вверх указательным пальцем, очевидно, давая медиуму понять, что пора закругляться: приближалось время рекламной паузы. Клоузен краем глаза уловил поданный ему сигнал. Очевидно, никто, кроме Джереми, этого не заметил. Его всегда удивляло то, что зрители подобных передач никогда не задаются вопросом, каким образом удается согласовывать по времени общение с загробным миром и рекламные паузы.

Клоузен снова заговорил:

— Он оставил вам одну вещь, которая имела значение только для вас двоих. Никто, кроме вас, об этом не знал. Это был ключ, да?

Женщина кивнула, не переставая рыдать.

— Вы даже не подозревали, что он его сохранил. Верно?

«Вот еще одна жертва ловкого шарлатана, — подумал Джереми. — Еще один человек, ослепленный любовью и готовый поверить в чудо».

— Это ключ от гостиничного номера, в котором вы провели медовый месяц. Он оставил его вам, чтобы вы

вспомнили дни, когда были так счастливы вместе. Он любил вас и не хотел, чтобы воспоминания причиняли вам боль.

— О боже!.. — простонала женщина.

Больше Джереми ничего не смог разобрать, поскольку в следующий миг рыдания потрясенной зрительницы были заглушены восторженными аплодисментами, ассистент убрал микрофон, и камеры перестали ее показывать. Женщина, к которой никто уже не проявлял интереса, в изнеможении опустилась на место, и тут же вступила ведущая. Она поднялась со своего диванчика и с улыбкой сказала в камеру:

— Дорогие телезрители! Напоминаем вам: все, что вы сейчас видите, происходит в прямом эфире. Никто из участников нашего ток-шоу не был знаком и никогда раньше не встречался с Тимоти Клоузенем. Через несколько минут мы продолжим передачу. Оставайтесь с нами!

Опять раздались аплодисменты, и шоу прервалось на рекламную паузу. Джереми откинулся на спинку кресла. Он часто писал о таких людях, как Клоузен, и статьи, разоблачавшие различного рода мошенников и шарлатанов, принесли ему известность. Джереми любил свою работу, гордился ею и считал профессию журналиста одной из самых важных в демократическом обществе — не даром права журналистов были зафиксированы в Первой поправке к Конституции США.

В «Сайентифик американ» у Джереми была постоянная колонка, там он помещал интервью с лауреатами Нобелевской премии, а также научно-популярные статьи, в которых знакомил читателей с теориями различных ученых — от Стивена Хокинга до Эйнштейна. Однажды благодаря его статье, всколыхнувшей общественность, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов изъяло

из продажи опасные антидепрессанты. Джереми писал о проекте «Кассини», о дефекте, допущенном при изготовлении зеркала космического телескопа «Хаббл», и был одним из первых, кто с самого начала поставил под сомнение сообщение ученых из Юты, заявивших о решении проблемы «холодного ядерного синтеза».

Однако несмотря на общественную значимость, колонка в «Сайентифик американ» не приносила Джереми большого дохода, и поэтому в последние пятнадцать лет ему в основном приходилось рассчитывать на заработок фрилансера. Как и все журналисты-фрилансеры, Джереми постоянно находился в поиске сенсационных материалов, которые могли бы привлечь внимание редактора газеты или журнала. Он максимально расширил сферу своих интересов и старался делать акцент на «всем, выходящем за рамки обычного». К этой категории относились разного рода медиумы, целители и экстрасенсы. Джереми разоблачал обманы, подтасовки и мистификации. Он посещал «дома с привидениями», занимался поиском «сверхъестественных» существ, выяснял происхождение зловещих городских легенд. Джереми был скептиком по натуре и обладал редкостным умением излагать сложные научные концепции доступно и понятно. Его статьи печатались в сотнях газет и журналов по всему миру. Он считал, что делает важное и благородное дело, однако у многих его деятельность вызывала крайнее раздражение. Очень часто после выхода в свет очередной разоблачительной статьи на Джереми обрушивалась лавина возмущенных писем, обильно приправленных ругательствами. Его называли недоумком, бездарностью и — ни больше ни меньше — купленным властями журналюгой, что даже не обижало, а смешило нелепостью.

Джереми давно понял, что журналист, проводящий собственные расследования, едва ли может рассчитывать на благодарность читателей.

Размышляя обо всем этом, он сидел, с хмурым видом наблюдая за зрителями, которые оживленно беседовали, гадая, кого выберет медиум для следующего сеанса. Джереми бросил быстрый взгляд на блондинку и увидел, что та, глядя в зеркальце, проверяет макияж.

Он абсолютно точно знал: все, кого Клоузен выбирал в зале, действительно обычные зрители, а не заранее подготовленная «подсадка». Объявление о ток-шоу с участием Тимоти Клоузена вызвало невероятный ажиотаж, и билеты разошлись моментально. А это означало, что в студии собрались убежденные адепты спиритизма — люди, верящие в загробную жизнь. Никто из зрителей не усомнился бы в том, что Клоузен действительно вступал в контакт с душами их умерших близких: ведь он сообщал такие подробности, какие, по их мнению, никак иначе нельзя было узнать. Однако на самом деле этот человек был не более чем ловким мошенником, а его спиритические сеансы — элементарным, но хорошо подготовленным надувательством. Джереми удалось не только разузнать, как Клоузен добывал необходимую информацию, но и сделать компрометирующие снимки, необходимые для уличения шарлатана.

Кто-то должен был наконец развенчать бессовестного обманщика, и Джереми был рад, что именно ему представилась такая возможность. Он хотел максимально использовать этот шанс — как из чувства справедливости, так и из профессионального честолюбия. Разоблачение медиума-шарлатана должно было стать самым громким журналистским расследованием за последнее время. Тимоти Клоузен находился на пике популярности, а для громкого скандала это одно из важнейших условий.

Хотя Джереми знал, что чудес не бывает, он не мог удержаться от того, чтобы не пофантазировать, как будут развиваться события, если сейчас, после переры-

ва, Клоузен выберет его самого. Однако подобная вероятность была очень мала. Это было бы слишком большой удачей, сравнимой разве что с шансом получить крупный выигрыш по ставке в «тройном экспresse» на скачках в Санта-Аните. Как бы то ни было, Джереми знал: в любом случае материал, разоблачающий Клоузена, у него уже есть, и его будет вполне достаточно для интересной и убедительной статьи. В то же время он не мог не думать о том, что это разоблачение могло стать действительно эффектным и сенсационным, если бы Клоузен выбрал для следующего спиритического сеанса именно его. Но в данном случае это зависело исключительно от везения — от каприза слепой фортуны.

Когда рекламная пауза закончилась, Джереми затаил дыхание и взволнованно посмотрел на Клоузена, не переставая в глубине души надеяться на то, что удача все же ему улыбнется. Это было фантастическим везением, но, словно самому Богу надоело смотреть на бессовестный фарс шарлатана, и он решил воздать ему по заслугам, Клоузен сделал именно то, чего ждал от него Джереми.

* * *

Прошло три недели. Зима продолжалась, и на Манхэттене было довольно холодно. Надвинувшийся с территории Канады холодный фронт вызвал понижение температуры почти до нуля градусов. На улицах над канализационными решетками поднимался пар, осевший на тротуарах и покрывавший их ледяной коркой. Однако никто не обращал на это внимания. Жители Нью-Йорка, как всегда, демонстрировали полное равнодушие к капризам погоды. А в пятницу никакие обстоятельства не смогли бы заставить их отказаться от своих планов — например, приятно провести вечер в кругу друзей после напряженной трудовой недели. Особенно если для этого имелся повод.

Вечеринка, устроенная в честь триумфа Джереми, длилась уже около часа. Помимо Нейта Джонсона и Элвина Берстейна, в баре собрались еще два десятка человек — друзья и коллеги Джереми, в том числе журналисты из «Сайентифик американ». Многие из них уже вовсю веселились, беззаботно потягивая напитки: за все платил Нейт, и журналисты, как всегда, были рады возможности хорошо провести время без ущерба для своего кошелька.

Нейт был агентом Джереми, а Элвин, фотограф-фрилансер, его лучшим другом, и все они собрались сейчас в модном баре в Верхнем Вест-Сайде, чтобы отметить выступление Джереми на канале Эй-би-си в прямом эфире передачи «Прайм-тайм». Всю неделю по телевидению крутили рекламные ролики, где крупным планом давали лицо Джереми и обещали его сенсационное выступление. В офис Нейта нескончаемым потоком поступали заявки на интервью с Джереми. Сегодня днем был звонок из журнала «Пипл», и на утро понедельника уже назначили очередное интервью.

Несмотря на то что Нейт не успел зарезервировать отдельный зал, вечеринка вполне удалась. За длинной стойкой было полно народу, а фантастическое освещение и атмосфера этого излюбленного бара нью-йоркских яппи располагали к тому, чтобы хорошо провести вечер. Журналисты из «Сайентифик американ», одетые в твидовые пиджаки с карманами, сгрудились в углу зала и увлеченно спорили, обсуждая научные темы. Большинство других посетителей бара, судя по их виду, завернули сюда не иначе как после рабочего дня на Уолл-стрит или Мэдисон-авеню. Пиджаки их итальянских костюмов были небрежно наброшены на спинки стульев, узлы галстуков от «Гермес» ослаблены, а их обладатели, поблескивая «Ролексами», заинтересованно поглядывали на находившихся в баре женщин. Женщины же, при-

шедшие сюда после работы в издательствах и рекламных агентствах, демонстрировали оригинальные дизайнерские юбки и туфли на невероятно высоких каблуках и неспешно потягивали мартини, делая вид, будто совершенно не замечают мужчин. Сам Джереми обратил внимание на высокую рыжеволосую девушку, которая тоже кидала на него быстрые взгляды. Он спросил себя, чем был вызван ее интерес к его персоне: видела она его в рекламном ролике по телевизору или же просто искала компанию на вечер? Девушка отвернулась, старательно демонстрируя равнодушие, но потом снова посмотрела в его сторону. На этот раз она задержала взгляд немного дольше, и Джереми приподнял бокал.

— Джереми, не отвлекайся, — сказал Нейт, толкая его локтем. — Тебя же показывают по телевизору! Ты что, не хочешь еще раз пережить свой звездный час?

Джереми отвернулся от рыжеволосой девушки и стал смотреть на экран. Он увидел себя напротив ведущей Дайан Сойер, и у него возникло ощущение нереальности происходящего — словно он одновременно находился в двух разных местах. Да и вообще события последних трех недель казались не совсем обычными, хотя он давно вращался в сфере СМИ и действовавшие здесь законы были ему хорошо известны.

На экране Дайан представляла Джереми зрителям как «одного из самых авторитетных в Америке журналистов, пишущих на темы, связанные с наукой». Это действительно был его звездный час: ему не только удалось осуществить все задуманное, но произвести такой фурор, что теперь ему предлагали постоянное сотрудничество с «Прайм-тайм», а также эфир в передаче «Доброе утро, Америка!». Это был большой успех, который не мог не вызывать зависть. Несмотря на то что многие журналисты считают участие в телевизионных шоу менее серьезным занятием, чем написание статей, большинство

все же втайне жаждет попасть на телевидение, грезя об огромных деньгах. Коллеги сердечно поздравляли Джереми, однако он чувствовал, что атмосфера пропитана завистью, с которой ему раньше не приходилось сталкиваться, ведь никто из его знакомых журналистов еще не добивался такого успеха на телевидении.

— Она действительно назвала тебя одним из самых авторитетных в Америке журналистов? — спросил Элвин. — А ведь ты пишешь о снежном человеке и пропавшей Атлантиде!

— Тсс, помолчи, не мешай слушать! — прошипел Нейт, не сводя глаз с экрана. — Все, что сейчас говорится, может оказаться важным для дальнейшей карьеры Джереми.

Как добросовестный и дальновидный агент, Нейт старался не упускать из виду ничего, что могло бы оказаться «важным для дальнейшей карьеры Джереми», поскольку — как ему прекрасно было известно — работа журналиста-фрилансера была не очень доходной. Они познакомились много лет назад, когда Джереми подал Нейту заявку на опубликование задуманной им книги. С тех пор они и работали вместе, став друзьями.

— Как будет угодно, — миролюбиво сказал Элвин, — я с удовольствием помолчу.

Передача продолжалась, и на экране, находившемся в студии позади Дайан Сойер и Джереми, стали показывать финальные кадры дневного ток-шоу с участием Тимоти Клоузена. Джереми, которого медиум выбрал для спиритического сеанса, изображал человека, тоскующего по своему умершему в детстве брату.

— Я слышу его, — провозгласил Клоузен. — Ваш брат хочет говорить с вами, Тед.

Камера показала крупным планом искаженное страданием лицо Джереми. Клоузен на заднем плане ритмично кивал, напряженно глядя перед собой.